

Анатолій Ершов

*L'antica
fiamma*

Анатолий Ершов

L'antica fiamma

«Геликон Плюс»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ершов А. П.

L'antica fiamma / А. П. Ершов — «Геликон Плюс», 2019

ISBN 978-5-00098-207-5

Анатолий Ершов (1944) – петербуржец в 4-м поколении, историк, преподаватель, литератор. Автор пяти книг стихотворений: «Три снега» (2000), «Сияющая ель» (2007), «Искус гармонии и инвенции» (2010), «Vita dell picture ne paesi» (Жизнь художника в сельской местности) (2012), «Зёрна от плевел» (2014). В новой книге стихотворений автор остался верен классической традиции русского стихосложения. Эта книга сообщает читателю, что думанье мучительно и опасно, потому что изолирует человека, и чтобы освободиться, ему необходимо высказаться, и лучшая форма – это записывание. Автор считает сочинительство самым одиноким делом человека и наивысшим наслаждением. Оно есть наша попытка гармонизировать бытие, разглядеть явления прекрасного и догадываться о тайных законах природы. Сочинительство укрепляет в нас довольство своей судьбой, и тогда мы непобедимы. Жизнь хороша только тем, что есть в ней l'antica fiamma, древний огонь вдохновения и любви.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-207-5

© Ершов А. П., 2019

© Геликон Плюс, 2019

Содержание

Часть 1	7
«Не слеза старика, не банальная катаракта...»	7
Tonkünstler[1] Йозеф	8
Дитя войны	9
«На ледяной горе был поздний вечер...»	10
«Воображению я всем обязан...»	11
Молодость	12
Апрель	13
Говори, память...	14
Осень	15
1	15
2	15
3	15
4	16
«Если бог – это время, ветер...»	17
«Закрытый человек покажется нам внешне...»	18
Лиза	19
Кредо	20
Метро	21
«Кахетинское, 10-й...»	22
Из прошлого	23
Лев Декарт	24
«Жестокосердие, душевная болезнь...»	25
Столетие	26
«Здравствуй, фиванский философ, поэт...»	27
«Только имени звук Анаит...»	28
«Собрать рассеянных по миру...»	29
«Вы не ждите, что скоро я буду...»	30
«Не сказано – не значит, что забыто...»	31
«Она, с поникшими плечами...»	32
«Нет-нет, покорно доживать...»	33
«Военный фильм со скорбью и печалью...»	34
«Меня переживёт и эта чашка...»	35
«Я ценю твою привязанность...»	36
Меценат	37
«Октябрь алеет, желтеет, царит...»	38
«Цепь удовольствий, размышлений...»	39
«Когда сатанеешь от гнёта...»	40
«Гурджаани, грузинская лёгкая грусть...»	41
«Очарованье старины...»	42
Privè 1938 г.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анатолий Петрович Ершов
L'antica fiamma
(Древний огонь)

Избранные стихотворения

*Книга посвящается бесценной душе Екатерины Кантеевой
(Ершовой)*

«...conosco I segni dell 'antica fiamma»

«...узнаю знаки древнего пламени»

Данте, Рай XXX, 46-48

Часть 1
Древний огонь
Стихотворения 2014–2018 гг.

«Не слеза старика, не банальная катаракта...»

Не слеза старика, не банальная катаракта, —
Это туман любви, с рождения до последнего часа,
Где объятия тел – вершина любовного акта,
Как сорваться в пике для молодого воздушного аса.

Мы бродим в тумане, долго, вслепую и в муке блуждаем.
Не различаем даль, не желаем видеть, пожалуй.
То к ней, то от неё бросаясь, не понимаем, но знаем,
Так осенью ветер пристрастен к огню и пожару.

Вроде жизни конец, а так и не хватает ума
Податься в киники, проглотить пошное *c'est la vie*.
Что за дымка в глазах – ушедшей любви туман
Или густой туман ожидания новой любви?

Tonkünstler¹ Йозеф

Спозаранку на нотные ветви летят
Стаи звуков, за ними вдогон
То летучее облако – лёгкий разлад
(В до минорный меняется ton²),
То сияющий луч пробежит, словно знак,
И октавы как истинный шёлк,
То вошёл человек, оглядел так и сяк...
«Вы великий», сказал и ушёл.

На таможе себя называя гончар,
Мастер ton'a почти не шутил.
Потому его песни так редко горчат,
Что душевно их künstler³ крутил.

Не за фрак голубой, не за сладкий токай,
Не за сажени дров и свинью. —
Он музыке служил, он любви потакал
За бессмертную душу свою.

¹ Tonkünstler (*нем.*) гончар, композитор.

² Ton (*нем.*) глина, звук.

³ Künstler (*нем.*) мастер.

Дитя войны

Я лишился и чаши на пире отцов...

О. Мандельштам

И с благодарностью не раз помянешь.

Была у матери голодной грудь пуста,
И потому сосал мальчишка хлебный мякиш.
Без молока он выжил неспроста.
Война слепила тело худощавым,
Красневшим на пелёнке, как снегирь.
Над колыбелью, ящиком дощатым,
Склонялась молча строгая Сибирь.

Отец и мать – орудия завода,
Придатки механизмов и машин;
Отчизне – неучтёнка из расхода,
Себе – добытчики съестного и морщин.
Наёмный угол, ящик, мякиш хлебный
В платке, младенцу заменивший грудь.
Война и смерть, церковные молебны
О душах умерших, затмивших Млечный Путь.

Мой путь и свет. По роковому ладу
В них искры пламени на берегу земли:
Дом деда моего зимой, в блокаду,
На части разобрали и сожгли.

Огонь и свет отеческого крова
Седьмой десяток в памяти горит.
Как рана зарубцуется, и снова
Откроется, и ноет, и кровит.

...Свою печаль из рукава пустого
мне приживил военный инвалид?

«На ледяной горе был поздний вечер...»

*Детство определяет начала духовной жизни человека.
Л. Н. Толстой*

На ледяной горе был поздний вечер,
Посередине прошлого столетья.
Как было не скатиться, словно ветер?
Да отчего не мог бы осмелеть я?
Тот вечер горькой памятью отмечен.
Восторгом звёзд светился небосвод.

Нет, ужасом восторженным, как лёд,
Черневший и змеившийся по склону,
На ямине подкинувший меня.

Вселенский лёд и я, расшибленный, посконный
Мальчишка, безотцовщина, как в сонном
Параличе лежал. И не было огня
Под замершей горой. И не было души,
Которая могла б меня поднять,
Руки, желающей меня и лёд разнять,
Отнять у бездны звёзд, космической глуши,
Обнять меня, мою беду отнять.

«Воображению я всем обязан...»

Воображению я всем обязан,
Оно мой крестик, спрятанный в горсти,
Зарытый в детстве под великим вязом, —
Чтоб век побегам от корней расти;

Убежище, где люди не опасны,
Великодушнее, чем сами есть,
И менее животные, а честь —
Призванный бог для приходящей паствы;

Гнездо, где мысли-птенчики, приплод,
Толкаются на волосок от смерти,
Куда слетают к ним то ум, то сердце,
Выкармливают их на первый взлёт;

Подспудная и сладкая работа,
Сок дерева, текущий под корой, —
Воображение! Мой дом второй,
Надёжный, даже первый для кого-то.

Молодость

Терзания плоти, работа да редкая сволочь тоска.
Прекрасная молодость! Если б не книги, когда бы
Не женские бёдра, ложбины, не вызов груди и соска,
Когда б в ре миноре не грозные Баха октавы...

Восстать из невежества, праха, не это ли значит судьба?
Не это ли стать или быть человеком по воле?
Прекрасная молодость, как же. Она уязвима, слаба.
Познание разве возможно без страха и боли?

Апрель

В. Гандельсману

Вот селезень, красавец и умелец,
Высокий, с изумрудной головой,
Молчит на чаек: что вы расшумелись?
Скрывается под быстрою волной.

Он одинок. Счастливый соплеменник
С подругою в промоине глухой
Уединился. Богоравный мельник
Их осеняет снежною крупой.

Час парности! Утиное гулянье
Окончило свой зимний хоровод,
И самка, словно жертву на закланье,
Молчальника, охрипшая, зовёт.

Невидная, как все её товарки,
Мелка́ и сѐра, краше ли других?!
Чем зов её неотразим, не жаркий?
Как объяснить природный выбор их?

Говори, память...

В. Н.

Рождествено, река, велосипед
С фонариком горящего карбида
Да юноша вторую сотню лет
всё катятся, и девочка Киприда
В сетях дождя, за белую колонной
Всё ждёт его и пояс тербит...
И вот он, мокрый и влюблённый,
С глазами ярче, чем карбид,
С тропинки, отороченной жасмином,
Свернёт, сойдёт с седла, протянет
Антоновское яблоко. Со смехом
Она вздохнёт, но есть его не станет,
Глаза закроет, будет целовать
Пылающими пухлыми губами
Мои солёные от памяти глаза...

Любовь, одна лишь ты могла сковать
Невидимую, долгую с годами,
Как старая и сильная лоза,
Цепь от Гефеста. Ей ли, золотой,
Не удержать любовников навек?

...Рождествено, под вечною листвою
любил не бог, а юный человек.

Осень

1

«Пришла, накиннулась с дождями...»

Пришла, накиннулась с дождями,
Влетела долгой серой мглой.
Мы не такую осень ждали...
Стань ярко-синей, золотой,
С багрово-жёлтой оторочкой
Опушек и лесных дорог.

Не та, не та, чужой, непрочной
Вдруг стала жизнь. И лес продрог.

Дают не песню, так урок. —
Всему свой срок, всему свой срок.

2

«Да что ж ты глядишь исподлобья...»

Да что ж ты глядишь исподлобья
На бедную землю чуть свет?

С угрюмою скрытой любовью
Так старый живой домосед —
Смотрел бы на женское тело;
Так тёмный глядит небосклон,
В котором и ярко, и смело,
Сквозь узкий прищур и сквозь сон
Свет солнца всё шире над чашей...

И в этом просвете горящем,
О чём только ни говорящем, —
Защита от горя, заслон.

3

«Одинокий, пятипалый...»

Одинокий, пятипалый,
Цвета мокрого песка,

Не слетел и не упал ты,
А зима совсем близка.

Лист каштановый, огромный,
Встал, прижавшись ко стволу,
Не бросаясь в путь бездомный,
Со звездой на плаву.

4

«Сентябрь. Серебристый смех...»

Сентябрь. Серебристый смех
Стремительных стрекоз
Над строгою водой, поверх
Всего, что не всерьёз.

Геликоптерная игра
Зелёно-синих тел...
Пришла прощальная пора,
Лес поредел.

Стоят ночные холода,
И утром листья роз
Искрятся, как в реке вода,
С видением стрекоз.

«Если бог – это время, ветер...»

Если бог – это время, ветер,
Для деревьев – вызов небес,
То на вызов осень ответил,
И под ним шевелится лес.

Быть на голову выше леса —
Это первым видеть рассвет,
Человеческого железа
Не слышать, будто бы нет.

Быть возвышенным не отрада,
Не презрение сверху – вниз.
Это комлем быть в два охвата,
Чуть шуметь на бурю и свист.

Обречён, если ты инаков,
В одиночку стоять окрест.
Так боролся хромой Иаков —
И невидимого потряс.

«Закрытый человек покажется нам внешне...»

Льву Дановскому

Закрытый человек покажется нам внешне
Недобрым бирюком, к нему не подступись!
Когда и ты таков, то вряд ли ветром вешним
Вас опьянит врасплох взлохмаченная жизнь.

Но дружба отрезвит, когда она случилась, —
Не мазать лестью, не рубить с плеча.
У сосен принята спокойная учтивость
И гордость помыслов как высшая печаль.

На высоте души открытым быть не больно.
Как жаль, что в юности я этого не знал.
Через полсотни лет прости меня. Невольно
Я нелюдимостью обоих наказал.

Лиза

Два чёрных солнца в голубых белках
У девочки в конце восьмого года
Пульсируют – потворствует природа!
И сердце не было ещё в бегах.

Ещё возлюбленные девочки спешат
Привить себе иные увлечения,
Они бегут от всякого ученья,
И вздорные девчонки так смешат!

Но скоро, скоро нежность, смуглота,
Изящность тонких пальцев, рук и шеи,
И плавность речи, взгляда и движений
Отнимут речь. Тогда слюну глотать!

Дюймовочка, подольше не взрослей.
Страдания да разминутся с ней.

Кредо

Время варваров длится. Подождём,
С тёмным солнцем разума, под дождём
Неиссякаемой любви, под снегом
Беспамятства, остаться человеком,
Доколе хватит сил.

Chaire⁴, Диоген. Ты не гасил
Фонарь-синема-ноутбук.
Значит, плохи наши дела, мой друг.
Время варваров навсегда,
Если будет хлеб и вода?

И личное дело быть человеком,
Быть личностью, а не банковским чеком.
С вождём? С республикой? Гиль! Подождём
Возрождения-2 с любви дождём,
С золотым на ветру плащом.

⁴ Chaire (франц.) радуйся

Метро

Она не всмотрится, её мелькнувший взгляд
Не остановится: ты ей не интересен.
Те, что галдят в углу и старость злят,
Её ровесники, воспитанники песен
Англоязычных, эти-то просты,
Понятны ей, по Маугли, единокровны.
В понятиях любви и красоты
Так примитивны, площе и нескромны.

Все поколения видят лишь себя,
Поверхностно, а вдумчиво не часто.
Как общества недружная семья
Безлюба и к друг другу безучастна!

«Кахетинское, 10-й...»

Кахетинское, 10-й,
Цвет соломенного поля...
Вышел тучей тать усатый,
Горы-долы тьмой наполнив.

Кровью, болью и слезами
Захлебнулась, истекая,
Мать-земля в обнимку с нами...
Что ж ты, матушка, такая?

Из прошлого

Три года, трилистник судьбы.
Родство, словно за три столетия.
Любовью сквозь тучи борьбы
К тебе не могу не светлеть я.

Не в этом ли счастье: вослед
За хмурию, дождями и стынью,
Всегда будет ясный рассвет
Дышать клеверами, с полынью.

Лев Декарт

Он, временем отмеченный, сидит
На холмике и слушает саванну,
Которая всегда за ним следит,
Тревожится: его молчанье странно.

Ужасен львиный рык, но ясен всем.
О чём, задумавшись, молчит он всё же?
«Я лев. Я есмь. Под золочёной кожей
Мой рык неизречённый – голос божий.
Я тех, кто сомневается, не съем».

«Жестокосердие, душевная болезнь...»

Жестокосердие – душевная болезнь.
Она растёт невидимо, как плесень.
Болезнь, не терпящая шума, песен,
Охотница в кого б ещё пролезть.

Её питает дом благополучный,
Дом бедняка, богатый особняк.
Для ненасытной всё не так,
Всё недовольна: сладко бы помучить.

Жестокосердие – убийственная сила,
И у своих детей *не-вы-но-сима*.

Столетие

Июль 17 года —
Холодный, аномальный, ветреный.

Нравнодушная природа
Детей испытывает: верно ли,
Что всё они простят неласковой. —

Бесплодные сады и ливни,
Вдруг заливающие наскоро
Деревни, города, долины.
Простят ли грозы ошалелые,
Когда бросаются в падучей
На землю и плоды незрелые;
Грозят, гремят огромной тучей
И градом бьют, как пеной белою.

Привычен людям даже град.
Как пережить духовный глад?

Смотрю окрест, роптать? Смеяться ли?
Сквозь земли и все нации
Фантомной болью год 17-й.
Кровавый и решительный,
Благой и разрушительный.

«Здравствуй, фиванский философ, поэт...»

Здравствуй, фиванский философ, поэт, астроном.
В доме твоём через краткие двадцать веков
*Chaire*⁵, говорю, улыбаюсь, сижу за столом,
Слушаю, думаю: словно по розе ветров,
Знания греков летели, как семя маслин,
В дикие земли, где разум был в прах угнетён
Страхом природы. Но сущее – разум, а с ним
Култ возникал, покорял, и, божественный, он
Рим, и Византий, и мир захватил, осветив.

Призрачный жёрнов столетий народы растёр,
Царства, богов, языки, словно зёрна олив.
Греческий отжим был первым. Латинский *terro*⁶
Скрылся от солнца Эллады в потёмках души.
Гордость, свобода, бесстрашие: я гражданин
Мира и разума! Руды подняв, иссушив
Смрадные хляби, я – сердце цветущих долин.

Отжим четвёртый мы видим в отчизне своей.
Сладок и горек, но горечь, пожалуй, сильнее.

⁵ *Chaire* (франц.) радуйся. Повседневное приветствие древних греков.

⁶ *terro* (лат.) ужас, страх.

«Только имени звук Анаит...»

Только имени звук Анаит.
Что же сердце тоскует и ноет?
Не откроет, смущённо таит
Не своё, не чужое, иное.

А душа, пуританка на вид,
К несвободе привыкшая с детства,
Повторяет себе: Анаит
И не знает, куда бы ей деться.

«Собрать рассеянных по миру...»

Собрать рассеянных по миру, —
Забрать у мира редкий ум,
И третий храм создать раввину,
Не подражая прежним двум.

Шатёр не будет ни кедровый,
Ни каменный, но *шель заав*⁷, —
Ракетный, радужный, бескровный.
Он щит, угрозу опознав.

Храм, не опущенный на Купол
(Скала⁸ и есть великий *ам*⁹),
Необозримый, словно Гугл,
и бесподобный, вечный храм.

⁷ *Шель заав* (иврит) золотой.

⁸ Купол, Скала – скала в Иерусалиме, основание мира, по убеждениям иудеев, место, где стояли два храма израильтян и куда Б-г опустит третий храм.

⁹ *Ам* (иврит) народ.

«Вы не ждите, что скоро я буду...»

Вы не ждите, что скоро я буду
Сокрушённым и жалким, не факт.
Ум с достоинством светит покуда,
Как высочество носит фрак.

Ум, как ни был бы долго беремен
вольнодумством, не просит: *держись*.
Ум изменчив и несвоевремен,
Он растратил испуганно жизнь.

Отвратительны или прекрасны
Бытования беглые дни, —
Горе, радость и слёзы, гримасы
И слова из любой трепотни.

Утомительны, глупо отважны,
Плотоядны земные дела.
Ради них мне природа однажды
В ноосфере сказаться дала?!

Неприглядно, чтоб кто-нибудь видел
Изведённую жалкую плоть.
...В старом парке измученный дятел
потайно исчез. Исполать.

«Не сказано – не значит, что забыто...»

Не сказано – не значит, что забыто.
Не сказанное – нескáзáнно.

Когда сокровище зарыто,
То сыск ума идёт азартно.
Найти не сможет и извлечь.

Но будет час, когда очнётся речь,
Придя в себя от шока отчужденья,
Сырая от тумана заблужденья,
Она прервёт с глаголом страстной суеты
Обет молчания на тему «я и ты».

«Она, с поникшими плечами...»

*...И над безмолвным увяданьем
мне как-то совестно роптать.*

А. Фет «Георгины»

Она, с поникшими плечами
Была отчаянье и гнев.
Глаза неправду уличали,
Слова, от страха побелев,
Несли к обыденной печали
Через угрозы, слёзы, блеф.

...Душа с пожизненною данью
молчать велела мне опять. —
При раздражённом увяданье
мне как-то совестно роптать.

«Нет-нет, покорно доживать...»

Нет-нет, покорно доживать
Седьмой десяток я не стану.
Жиреть и всё-таки жевать?
Жалеть себя за то, что тайну
Всеобщей жажды бытия
За суетой я не расслышал?
Желать? Всего! Хотел бы я,
Всех обладаний свыше,
Сжимать с уверенностью смелой —
Дающую любовь ладонь.

О да, негаснувший огонь
Любви, сознания, вселенной!

«Военный фильм со скорбью и печалью...»

Военный фильм со скорбью и печалью
Художник, как поэму, написал.
В ней пепелища с русскими печами,
Как души умерших, взывают к небесам.

Вопит молодка, к лесу убегая.
Молчит бесслёзно старая вдова.
Не думайте: не наша боль, другая,
Не наши горе, слёзы и слова.

Но этой ночью отчего ты плакал?
Ты девушку бежавшую не спас.
Двуногий зверь о двух умелых лапах
Веками нарождается у нас.

Ему война как матушка родная.
Гребёж отец? А может быть, разбой?
О нём тоскует женщина: одна я.
Жестокий, кровожадный, но родной.

И душегубы, хищники азартно
Меняют, как напёрстки на столе,
Тюрьму сегодня на свободу завтра,
На деньги жизнь, а смерть на пистолет.

«Меня переживёт и эта чашка...»

Меня переживёт и эта чашка!
Да, если чашку я не разобью.
А как же будет ей без кофе тяжко. —
Я крепкий Carte Noir люблю.
Должно быть, затуманится, бедняжка,
Что верную уже не пригублю?

Кто в будущем и чем её наполнит?
Заглянет ли задумчиво на дно?
И что она доверчиво напомнит
С горячей укоризной заодно?
Простое слово, точно полотно,
Спасибо ей напившийся промолвит?

«Я ценю твою привязанность...»

Я ценю твою привязанность,
Многоликий ноутбук,
Терпеливость, недосказанность
И отзывчивость наук.

Хорошо, когда приветливо
Ты напомнишь то и сё.
Сайты, ссылки: белкой с веткою —
Крутишь солнца колесо.

Вещи, если мы их выбрали,
Привыкают нас любить,
И в разлуке стонут выпями,
И не могут нас забыть.

Вещи скромницы, но гаджеты
Как ревнивая жена. —
То в глазах её: и гад же ты!
То дрожит, как зверь, она.

Вещи намертво прилепятся,
Дом ли, женщину смени.
И, казалось бы, нелепица, —
Вещи преданней семьи.

Непременные, усердные,
Соприродные почти...
Так положим ближе к сердцу мы
Всё выдавшие очки.

Меценат

Жил-был кардинал Оттобони.
Он церкви бесстрастно служил,
Но с пылом играл на гобое
И новый талант сторожил.

Скарлатти, Корелли, Марчелло
Играли о «жизнь коротка»,
Чтоб музыки пламя согрело
Палаццо и ночь старика.

И кресло, и жизнь кардинала
На гребне клавирной волны
Качались, как воды канала,
Дробили ночные огни.

И воск, утомившись, не капал.
Камин догорал и остыл
Прекрасного пепел и пыл.
...А что Оттобони стал папой,
Так папою кто же не был?!

«Октябрь алеет, желтеет, царит...»

Октябрь алеет, желтеет, царит.
Бряцает дубовою лирой.
И сердце, вздохнув, не о том говорит,
Мол, время условно, мой милый.

На солнечном ветре бы сердцу парить,
Смеяться б над завистью листьев,
А ветер хотел бы с красоткой острить,
Смущаясь того, что неистов.

Он будет порывистый, яркий, морской,
Ещё не студёный покуда,
Лететь за ребёнком, старухой, за мной,
Неверящим, чающим чуда.

«Цепь удовольствий, размышлений...»

Цепь удовольствий, размышлений
Тебе откроет, не стыдясь,
Как ненадёжна эта связь
Переживаний, ощущений.

В тенёта речи улови
Их, кратковременных и слабых,
Как улетучившийся запах
Духов и женщины. Любви.

«Когда сатанеешь от гнёта...»

Когда сатанеешь от гнёта
Того, что в сердцах сотворил,
Подслушай у хаоса что-то
И долго считай не своим.

Признайся с печалью и молча —
Себе самому, что не вдруг
Пришла настороженность волчья
К чужому движению рук,
И к острому взгляду, и слову,
И к хитрости полулюдей.

...Не смоешь их липкую злобу,
как запах и пот лошадей.

«Гурджаани, грузинская лёгкая грусть...»

Гурджаани, грузинская лёгкая грусть,
Послевкусие страсти томятся в глазах и гортани,
Всё горланят, картавят о давних годах наизусть. —
Там сердцами целуется юность, не ртами.

Гурджаани, соломенный запах любви,
А горчинка её это время, как горы далече.
Всякий раз были нежностью удивлены
Губы, пальцы мои, погружаясь в горячие плечи.

Нáni, гордое пламя за дверцей печи,
За щелями гудящая тяга желанья.
...Вот открыл и, сияя глазами, молчи.
Ты не мысль о любви, ты звучанье её и пыланье.

«Очарованье старины...»

Очарованье старины —
Давно забытая морока.
И современнику без прока
Касаться головой Стены¹⁰.

Собрать друзей у фортепьяно,
На вечер Баха пригласив, —
Несовременно, даже странно,
Какой-то бзик, паллиатив.

Как может нравиться старушка,
Которой больше сотни лет,
Её манеры, букли, рюшки,
Удушье, пудра, полубред?

...Так просвещенье, если честно,
Унизило высокий слог. —
Почтенье к прошлому исчезло,
Как из камины дымок.

Оно в умах не часто тлеет,
Действительность к уму строга.
...Не оттого река мелеет,
что стали выше берега.

¹⁰ Стена плача в Иерусалиме.

Privè 1938 г.

Брат арестован. Как же ты
поехал на футбол?
Брал прелести жены...
Да и была ли боль

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.